

Леонид МАРТЫНОВ

РЕВОЛЮЦИЯ

Революция
Назревала,
И затем она разразилась.
Алья стяг она разревала,
Вдруг как будто
Затормозила.

Тормозилась она боячами —
Упещали ее речами,
Прекрахи в самом начале,
Чтобы не было им печали.
Но пошла она в наступление,
С ветхих петель срывая двери,
Возглашая свою веленя
Над развалинами империй.

Революция расковала
Всех томившихся в кузинах,
Революция раскрывала
Бедняков глаза на бояхах.

Бедняков она поднимала,
Обнимала по-пролетарски,
И без слов она понимала
По-латышски и по-мадьярски,
По-китайски и по-немецки,
И по-чешски, и по-словакски,
Чтоб со всеми жить по-соседски,
Договариваться по-братьски.

Помнимы мы, как она назревала
В копях, в шахтах, во мгле
Под смрадным окопным небом.

С. МАРШАК

РАЗГОВОР С ВНУКОМ

Позвал я внука со двора
К открытыму окну.
— Во что идет у вас игра?
— В подводную войну!
— В войну? К чему тебе война?
Послушай, командр,
Война народам не нужна.
Играйте лучше в мир.

Ушел он, выслушав совет,
Потом пришел опять
И тихо спрашивал: — Дед,
А как же в мир играть?..

Любовь известия, что с утра
Передавал эфир,
Я думал: перестать пора
Играть с войной, чтоб детвора
Играть училась в мир!

ПИСЬМО
В РЕДАКЦИЮ

ХРАНИТЬ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

НА ПРОТЯЖЕНИИ веков вокруг университетов, музеев старых го- родов Европы возникали хранилища культурных сокровищ. Осо- бый колорит и своеобразную красоту этим кварталам всегда придавали живописные книжные развалы и лавки, столовки букинистов, це- лые галереи ярких народных лубков. В этих местах всегда собирались страстные любители книг. В Париже на набережной Сены часами ры- лись в старинных книгах Анатоль Франс, Флобер, Мопассан.

Со всеми концами Европы съезжались в Рим собиратели древних фили- анов и памятников искусства. Здесь бывали Гоголь, Тургенев, худож- ники Шедрина, Иванов и другие.

В нашей Москве старинным центром русской культуры всегда были улицы, прилегающие к Красной площади.

Небадко от китайской стены, около гостиницы «Метрополь» стоит памятник великому деятелю русской культуры — первопечатнику Ивану Федорову. За древней китайской стеной находится здание, где некогда помещалась Славяно-греко-латинская академия, в которой учился Ломоносов. На Можайской улице — старое здание Московского университета, неподалеку — Малый и Большой театры, Исторический музей, Центральный музей В. И. Ленина. Здесь, у стен древнего Крем- ля, переплетаются культурные традиции великого прошлого с тради- циями наших героических дней.

На улице 25-го Октября, там, где ныне стоит здание Печатного двора, еще в XVI веке начинавшие первые книги России. Не случайно, что в течение столетий находились здесь центры книжной торговли, магази- ны и развалы, украшавшие район.

К большому огорчению москвичей, постепенно стали исчезать развалы букинистов. Закрыт книжный магазин № 2 школы университета, закрывается книжный магазин № 3 в здании «Метрополь».

Книготорговая сеть в Москве из года в год растет, и это можно только приветствовать, но мы считаем совершенно необходимым со-хранять книжные магазины в традиционном культурном центре Москвы.

Нам непонятно, почему Москвичей беспокоят эти сведения о закрытии старых, накопивших огромный опыт работы книжных магазинов и не всегда забывающих о бережном сохранении всех культурных традиций нашего великого города.

Профессора Э. ЯРОШЕВСКИЙ, Е. МИХАЛЬЦЕВ

Михаил СВЕТЛОВ

ИСКУССТВО

Венера! Здравствуй! Сквозь разлуки,
Сквозь лабиринты старины
Ты мне противишь руки,
Что лишь художнику видны.
Вот локоть, пальцы, тонкий ноготь,
Совсем такой, как наяву...
Несуществующее трогать
Я всех товарищей зову.

Сквозь отчество, сквозь разлуки,
Сквозь разъяненный динамит
Мечта противигает руки
И пальчиками шевелит,

Зовет: «Иди ко мне поближе,
Ты не раскись, родной!»
На фотографии одной —
На красном фоне канонады,
На черном — прожитых ночных,
И на зеленом фоне сада
В огне оранжевых лучей.

Давай с тобою вместе будем!
Сквозь кутерьму идущих лет
Давай с тобою дождем людям,
Что есть мечта и есть поэт».

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

СОНЕТ

Я испытал и славу, и бесславье,
Я пережил и войны, и любовь;
Со мной играли в кости югославы;
Мне песни пел чукотский зверолов.

Я слышал тигра дымные октавы,
Предсмертный вой эзосовских горилл;
С Петром Великим был я под Полтавой,
А с Фаустом о жизни говорил.

◆ ◆ ◆

Николай СИДОРЕНКО

ПАМЯТИ ДРУГА

Владимиру Луговскому

Он умирал и, навзничь лежа,
Шептал беззвучно: «Киль хонь...»
Был утренник других молодежи,
И ветер задувал свечи.

Корона дальнего Айт-Петри
Светилась на пути дневном,
Он умирал при полном вете,
При полном море за окном.

Жена, откинув занавески,
Смотрела в море. Ей в глаза

Вливался юг в цвету и блеске,
В камнях ломалась бирюза.
Он умирал. А было время —
Невозретимые годы:
Горел на потертом шлеме
Пятиконечная звезда.

О юности, время боевое!
Чонгарский мост... В огне
Джанкой...
Он просто дремлет после боя
Над недописанной строкой.

Анатолий СОФРОНОВ

КОЛОКОЛЬЧИК

В Концертном зале Сток-
гольма советская певица Ири-
на Масленникова исполнила песню «Однозвучно гремит коло-
кольчик».

В этом городе чинном

Стокгольме,
«Однозвучно гремит
коло-коло-льчик»,
Да на русском еще языке.

Будто видятся дали степные,
Льются песни душевный напев...
И сидим мы наевки родные,
Словно дети сидим, присмирев.

...«Однозвучно гремит
коло-коло-льчик» —
И как будто в стени тишина...
Ах ты, родина наша, Россия,

Сердцу милая ты сторона!

Ты греми, коло-коло-льчик
печальный,
В путь-дорогу большую зови:
Где бы ни были в плаванье
дальний —
Мы твои, коло-коло-льчик, твои!

1953 г. СТОКГОЛЬМ.

ПЕРЕД НОВЫМ ЭТАПОМ ИЗУЧЕНИЯ КОСМОСА

изучение жизненных условий в кос-
мическом пространстве, прежде все-
го путем экспериментов с животны-
ми. А это выдвигает еще одну слож-
нюю проблему — возвращение спут-
ника с его орбиты на Землю.

На пути осуществления первого
космического полета стояли боль-
шие технические трудности, над пре-
одолением которых многие годы

работали крупные коллективы совет-
ских ученых и инженеров. Требовалось
создать мощный, надежный двигатель,
разработать ракетную конструкцию ракеты, подобрать соответствующее топливо, построить
средства автоматического управле-
ния, аппаратуру для связи и телем-
етрии, рассчитать режим движе-
ния ракеты, разработать методы выве-
дения спутника на орбиту. Ре-
шение всех этих задач оказалось
возможным лишь на основе новей-
ших достижений самых различных
отраслей советской науки.

Трудности, связанные с создани-
ем и запуском искусственных спутни-
ков, таковы, что они оказались
поглощены спутником. Но не
закончилось этого события, по-
разившего весь мир. 3 октября, од-
нако, на винтажную газету, реклами-
руя будущий американский спут-
ник, писала, что запуск искусствен-
ного спутника Земли — дело нацио-
нального престижа. Что же, совет-
ские науки техника вполне убеди-
тельным и достойным образом под-
держали престиж своей страны.

— Движение советского спутника
полностью подтверждает большую точность всех предшес-
твующих теоретических расчетов, —
продолжал ученик. — Это дает нам
уверенность в успехе запуска всех
следующих наших искусственных
спутников, намеченных программой
МГР.

Наряду с широким планом геофи-
зических исследований предстоит

СОБРАНИЕ ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ЛЕНИНГРАДА

В АКАТОВОМ зале Смольного состоялось общегородское со-
брание актива творческих рабо-
тников. Участники собрания об-
судили доклад главного редактора
журнала «Нева» С. Воронина «О за-
дачах деятелей литературы и иску-
ства Ленинграда по усилению связи
творчества с жизнью» с докладом
народного артиста СССР Н. Черка-
сова, народного артиста РСФСР Б. Соловьева-Седого, композитора В. Соловьева, секретаря РСФСР художника И. Серебряного.

В центре внимания участников соб-
рания были выступления Н. Х. Хруш-
ева «За тесную связь литерату-
ры и искусства с жизнью народа». Участники собрания отмечали огром-
ное значение этого партийного до-
кумента, проникнутого ленинскими
принципами партийности и народ-
ности литературы и искусства.

На собрании выступили В. Сая-
нов, народный артист Республики Б. Фенстер, искусствовед Ю. Кремлев, главный редактор журнала «Звезда» Г. Холопов, художественный ру-
ководитель Академической капеллы А. Анисимов, главный режиссер Театра комедии народный артист РСФСР Н. Акимов, секретарь парт-
организации Института русской ли-
тературы В. Тимофеева, секретарь РСФСР художника А. Попов.

Собрание единодушно приняло ре-
золюцию, направленную на улучше-
ние деятельности творческих орга-
низаций Ленинграда, укрепление
связи творческих работников с жизнью советского народа.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

Ближе к жизни народа

ЗАДАЧАМ творческих союзов и

организаций в связи с высту-
плениями тов. Н. С. Хрущева

«За тесную связь литературы и ис-
кусства с жизнью народа» было по-
священо областное собрание писа-
телей и работников искусства, со-
стоявшееся в Свердловске. С докла-
дами выступили руководители об-
ластных творческих организаций:
писателей — Н. Попова, композито-
ров — Б. Гибалин, художников —
Б. Павловский.

Писатели, художники, композито-
ры, работники театров Свердловска
и области с чувством глубокой bla-
годарности говорили о Коммунисти-
ческой партии, заботах и внима-
нии которой обязаны своим луч-
шим произведениями советская
литература и искусство.

— Если мы, композиторы, станем
ближе к народу, ближе к жизни, на-
ш голос окрепнет и прогремит, в
создаваемые ими произведения в-
ходят живые люди, они заговорят
о самом важном нужном правдиво
и горячо. Такой я слышу и буд-
ущую оперу, и будущую симфонию», —
сказал композитор В. Трамбик.

В прениях участвовали также пи-
сатель Ю. Казанович, художник Д. Ионин, главный режиссер Свердлов-
ского драматического театра В. Витюк и другие.

И докладчик, и выступавшие в
прениях заверили Центральный Ко-
митет КПСС в том, что писатели и
работники искусства Свердловской
области сделают все для того, чтобы быть подлинными помощни-
ками партии в борьбе за коммунизм.

Тело встреченные участники соб-
рания, с речами выступили К. Г. Кра-
сиков, секретарь ЦК КПСС П. Н. Поступов и кандидат в члены Пре-
зидиума ЦК КПСС, первый секре-
тарь Свердловского обкома КПСС А. П. Кирilenko. В работе собрания
приняла участие министр культуры
РСФСР Т. М. Зуева.

СВЕРДЛОВСК. (Наш корр.)

И МЕННО в этот момент поручик Драгомирицкий выставил за борт ракетницу. Он офицер, он получит приказ, и он должен его выполнить точно. Две зеленые ракеты первой линии, как установлено: сзади две благополучно, фланги и тылы обес-
печены, — сказал командир.

Поручик вышел на палубу, осу-
ждаемый на смерть, — и прыгнул в
море. Две зеленые ракеты взорвались
в воду. Поручик утонул.

Когда самолет взлетел и рев пропеллера перенес в ритмичное гудение, Королевич прокричал Драгомирицкому:

— Если вы дадите две зеленых, я выпрыг-
ну с парашютом! Мы должны предупредить об опасности хотя бы передовой...

Драгомирицкий молчал. Потом обернулся и отвел:

— Я доложу, что ты выпал из самолета на
кругом вираже. Это все, что я могу сделать...

Когда Королевич вышел на палубу, он
встретил капитана. Капитан сидел на
столе, смотрел на Королевича и сказал:

— Ты доложи, что я выпал из самолета на
кругом вираже. Это все, что я могу сделать...

Когда Королевич вышел на палубу, он
встретил капитана. Капитан сидел на
столе, смотрел на Королевича и сказал:

— Ты доложи, что я выпал из самолета на
кругом вираже. Это все, что я могу сделать...

Когда Королевич вышел на палубу, он
встретил капитана. Капитан сидел на
столе, смотрел на Королевича и сказал:

— Ты доложи, что я выпал из самолета на
кругом вираже. Это все, что я могу сделать...

Когда Королевич вышел на палубу, он
встретил капитана. Капитан сидел на
столе, смотрел на Королевича и сказал:

— Ты доложи, что я выпал из самолета на
кругом вираже. Это все, что я могу сделать...

Когда Королевич вышел на палубу, он
встретил капитана. Капитан сидел на
столе, смотрел на Королевича и сказал:

— Ты доложи, что я выпал из самолета на
кругом вираже. Это все, что я могу сделать...

Когда Королевич вышел на палубу, он
встретил капитана. Капитан сидел на
столе, смотрел на Королевича и сказал:

— Ты доложи, что я выпал из самолета на
кругом вираже. Это все, что я могу сделать...

(Окончание).
Начало на 1-й стр.).
жадно стремился
попасть на оче-
редной спектакль, диспут, ми-
тинг.

Осталось в памяти выступление Маяковского перед матросами в бывшем Гвардейском экипаже. Впрочем, бескозырки с ленточками смешивались в зале с фуражками, кепками, женскими платочками; редко попадались и шляпы. Матросы, которым Петровский передал зал царских гвардейцев, обычно толпились там возле того буфета чуть ли не целый день или во всяком случае как только начинало смеркаться. Приходили туда и красногвардейцы, и просто так, публика с улицы, приводили девушек. Кто-нибудь приносил бани, и тут же, в шинелях, бушлатах, теплых куртках, а девушки в шубейках начинали танцевать поленку и «флэшку». Здание не опиралось, но даже ходят в дни как-то не особенно ощущалась. Танцы под гармошку были основным развлечением, до-клады на международные темы — главной вступительной частью репертуара.

Мне думается, что выступление Маяковского было одним из редких литературных вечеров. Впрочем, и Владимир Кириллов читал здесь под гром аплодисментов «Героев», скитальцев морей, албатросов».

«Синильцы морей» в то время, увы, не дружили с волнами. Корабли стояли на проколе на Неве и в Кронштадте. В море не выходили. Еще шли кое-какие военные учения на кораблях, но в общем матросам было делать в гаванях почти ничего, и значительная часть экипажей постепенно в виде отдельных отрядов отправлялась на фронты гражданской войны. Многие из матросов геройски сложили свои головы за революцию.

О вечере в Гвардейском экипаже я узнал от одного из своих

приятелей матросов, с которым мы туда и отправились. Мы пришли довольно рано. Нас оглушили звуки нескольких гармошек, — вокруг каждой был свой кружок со своим тоном. Признаюсь, я не думал, что вечер поэта-футуриста Маяковского, как было объявлено в афише, может состояться. Настроение было явно в пользу танцев. Но когда на эстраде появилась высохшая фигура Маяковского, который голосом возгласил: «Матросы! Я для вас специально написал стихотворение», — это вызвало любопытство. Все потянулись в зал.

Маяковский, несмотря на зверский холд, снял пальто, шапку или кепку, я уж не помню, но оставил на шее широкий шарф. Он стал читать вскользь знаменитые «Левые марши». Когда он произносил слова: «Разворачивайтесь в марши! Словесное не место в клузе», в то же время правой рукой развертывая шарф, и потом, отбросив руку в сторону, громкодобро воскликнул: «Ваше слово, товарищ маузер», — раздались аплодисменты. Аудитория была сразу разогрета, замолкли и уставились на оратора. «Довольно жить законом, дань Адамом и Евой» — эти строки у одного из моих соседей, притянувшегося к нему девчонкам, плече, вызвали смешок, но на него шикнули, и он умолк.

Кто там шагает правой?

Левый!

Левый!

Левый!

Позже Маяковский рассказал, что это стихотворение он будто бы написал на извозчике, по дороге на вечер в Гвардейский экипаж. Возможно, что и так, потому что в руке у Маяковского вертелась бумага, которую он иногда клал в карман.

Запомнилось еще выступление Маяковского через несколько дней (тоже в декабре 1918 г.) на митинге или диспуте на тему «Старое и новое искусство» в доме имени Лассала, в зале, который носил торжественное

название «Зал вождей пролетарской революции». Диспут был платный, с афишами. На диспут были приглашены знаменные писатели, актеры. Помнится, там должны были быть Бальмонт и даже Шаляпин.

Известные имена привлекли в зал много, как выражался мой матросский приятель, «чистой публики». Кроме того, ождался скандал, так как прежние выступления футуристов, классика армянской литературы, лейтенантского члена Академии наук Армянской ССР Аветика Сааковича Исаакяна.

Аветик Исаакян родился 31 октября 1875 года в г. Александровске (ныне Ленинакан). В родном городе он получил начальное образование, затем учился в Эчмиадзинской семинарии и в Лейпцигском и Цюрихском университетах. Еще в школьные годы юноша Исаакян страстно увлекался литературой, писал стихи, поэмы, подражал родным народным мотивам. Его первое лирическое стихотворение «Едва раскрылся цветком», напечатанное в журнале «Тараз» («Мода») в 1892 году, стало началом его профессиональной литературной жизни. А через шесть лет, в 1898 году, вышел первый сборник его стихов «Песни и раны», который сразу привнес широкую известность поэту.

Глубокая народность песен и стихов, которая так характерна для первого сборника поэта, осталась наименее яркой чертой его творчества. Исаакян активно включается в общественную и культурную жизнь Советской Армении.

Советское Правительство ввело в развитие армянской литературы. Его поэтическое творчество, наряду с творчеством таких выдающихся писателей, как Ованес Туманян, Вазелин Терян, Ованес Ованessian, Егише Чаренц, является вершиной армянской поэзии.

Оганес азаглы Исаакян в развитии армянской литературы. Его поэтическое творчество, наряду с творчеством таких выдающихся писателей, как Ованес Туманян, Вазелин Терян, Ованес Ованessian, Егише Чаренц, является вершиной армянской поэзии.

Правление Союза писателей ССР

Правление Союза писателей Армении

Борис ПАСТЕРНАК

* * *

В разгаре хлебная уборка,
А урожай — как никогда,
Гласит недавно поговорка:
Берут наవором города;
Как в океане небывалом,
В загоре и пыли до лба,
Штурмующими крутым увалом
Уходит на ветры в хлеба.
Люди и при царе Горюхе,
Когда владычествовал царь,
Всезде, всегда, во все эпохи
К азаргу зев, поспевший хлеб.

Толпились в поле и соломе,
Тонули в гаме голоса,
Лакомобилы экономий
Плевались дымом в небеса.

Без слов, без шуток, без
Батраками на перегонки,
Снопы к отверстям молотилок
Подбрасывали батраки.

Всех вместе стягивали спешки,
Но и в разгаре мольбы
Мужчина оставался пышкой,
А женщина — рабой судьбы.

Теперь такая же горячка,
Цена ее не такова,
И те, кто встарь были батраками,
Себя и деду голова.

Не может скрыть сердечной
Душа штурмующими царями,
Мечтанием стук комбайна
Выбалтывает за рекой.

И суть не в красноречье чисел,
А в том, что человек окреп,
Тот, кто от хлеба заставил засел,
Стал сам царем своих судеб.

Всезде, повсюду, в Брянске,
В Канске, в степях, в колядах,
в умах,
Какой во всем простор
гигантский!

Какая ширь! Какой размах!

И волна, и волна, и волна!

Плюхнулся в старинное, мамино,
в которое после смерти мамы никто не садился, кресло угу, да так и сидит, как истукан: слезы текут» по щекам, а глаза горят сумасшедшим огнем, и на все обращенные к нему слова только бормочет, стучу зубами:

— Сухомлиновы, Мисеодовы, Распутины! Продали, сволочи, Россию!

Кто продал? Кто купил?

Герасим Анисеевич метался по столовой — от стола к буфету, от буфета к горке с фарфором, от горки к граммофону в углу, спотыкался о ковер, опрокидывал стулья, подымал руки вверх, возводил глаза к небу, потрясал кудаками над головой и кричал:

— Отчизна! Родина! Государство!

Потом остановился перед большим портретом женщины — женщина смотрела ласково и печально, это была покойная госпожа Драгомирецкая, его жена, — и завопил:

— Проклятию!

Будь в квартире телефон, он немедленно позвонил бы в штаб военного округа и вызвал бы патруль, чтобы его родного сына-изменника арестовали.

Впрочем, он все же сбегал к соседям и позвонил по телефону в штаб: вызвал сына Алексея спасать родного брата.

Поручик Александр Драгомирецкий принял на штабном автомобиле, и вот он тоже был тут: перепуганный, бледный, и глаза у него необычно блестели, — не как всегда — холмистым блеском от кокания, а естественным горячим огнем: что же теперь будет, ведь ответственность за брата упадет на него?

— Ты мэрзваешь! — только и сказал он брату.

— Я должен вызвать тебя на дуэль!

В эту минуту явилась Марина: демонстрация закончилась, и она прибежала, возбужденная, домой.

— Доченька! — встретил ее на пороге Герасим Анисеевич и патетически заключил в цокольные обятия. — Пожалей своего отца: у него сын... сын...

Картину было столь трогательна, что стоящий доктор всхлипнул. Все силы благородного возмущения и священного гнева были разрушены в его душе. Так было жаль самого себя: воспитал, вывел на путь истинный, и вот...

А главное — абсолютная безвыходность: что же теперь, собственно, делать? Офицер Ростислав Драгомирецкий — государственный преступник, но все же сын... Доктор Драгомирецкий, правда, не восхвалял временного правительства, но все-таки изменил родине, он не мог оправдать. Он, конечно, был против этой идтиотской войны, однако не мог же он, сын отечества, стоять за поражение в войне...

— Что же делать? — воскликнул Герасим Анисеевич, останавливаясь перед Ростиславом

и потрясая кулаками. — Что мы теперь будем делать? Я тебя спрашиваю, ногодинки!

Будь его сын Ростислав маленьким Мальчишем, он просто спустил бы ему штаны и вскарабкался. Но этому оболтусу было двадцать три года, да и телесных наказаний доктор Драгомирецкий в принципе не признавал.

Ростислав сказал тихо и понуро, и это было, существу, его первое разумное слово:

— Александр... дай мне твой браунинг...

— Я свой потерял еще там... на позициях! —

— Зачем тебе этот идиотский браунинг? — воскликнул отец.

— Выходи нет... — так же понуро проговорил Ростислав.

Марина бросилась к брату и обняла его:

— Ростик! Милый... любимый... несчастный!

Ростислав отклонился от сестры: в глазах блеснули слезы.

— Не надо, Маринка... Оставь меня... Я дрянь. Меня не нужно жалеть.

— Александр проворчал из своего угла:

— Ступай прочь, Марина! Прекрати бабскую истерику! Ему больше ничего не остается...

Тогда Марина действительно впала в истерику. Она выпрямилась перед младшим братом:

— Кани! Недаром весь город говорит о тебе как о чернотенце. Ты готов и родного брата толкнуть в могилу! Так делай же свое грязное дело, палах! Дай, дай ему свой пистолет! Ну?

Чего ж ты сидишь? Дай ему браунинг с монограммой проститутки Матильды!

— Дура! Тебе не настася Матильда!

— Нет, касается. Давай сразу! — Она вцепилась в брата и дергала за кобуру.

— Пусти! — вырвалась Александр.

— Дети! — молил Герасим Анисеевич.

— Оставьте! Такое горе, а вы...

Александру, наконец, удалось вырваться из рук Мариной. Он отошел в другой угол и загородился стулом.

— Не дам я ему моего пистолета! Этого еще не хватало, чтобы они застрелились из пистолета с моим номером, чтобы мне же потом и отвечать!

— Подлеч! — кричала Марина. — Тогда стреляй сам, своей рукой! Убей родного брата, — от тебя можно всего ожидать!

— Пусть вешается или бросается из окна!

— кричал и Александр, — а моего пистолета!

— Остолп! Оболтус! — опять завопил отец. — Я своими собственными руками выброшу тебя с балкона! — Он снова остановил пистолет на щеке кружевной скатки, которую вышивала собственными руками покойная госпожа Драгомирецкая...

— Да! — кричал Александр, — а моего пистолета!

— Упал, нет! Стул и стуки! Это я воспитал таких обор-

зывший шум голос поэта, темперамент — все это з怒о покорило разношерстную аудиторию, и она разразилась бурей аплодисментов.

Читал Маяковский еще и «Оду революции»: «Тебе, осинистая, осенняя батарея...» и т. д. Все это воспринималось как прекрасное выступление футуристов, как прекрасные выступления армянской литературы, лейтенантского члена Академии наук Армянской ССР Аветика Сааковича Исаакяна.

Известные имена привлекли в зал много, как выражался мой матросский приятель, «чистой публики». Кроме того, ождался скандал, так как прежние выступления футуристов, классика армянской литературы, лейтенантского члена Академии наук Армянской ССР Аветика Сааковича Исаакяна.

Аветик Исаакян родился 31 октября 1875 года в г. Александровске (ныне Ленинакан). В родном городе он получил начальное образование, затем учился в Эчмиадзинской семинарии и в Лейпцигском и Цюрихском университетах.

Еще в школьные годы юноша Исаакяна страстью увлекался литературой, писал стихи, поэмы, подражал родным народным мотивам.

Его первое лирическое стихотворение «Едва раскрылся цветком», напечатанное в журнале «Тараз» («Мода») в 1892 году, стало началом его профессиональной литературной жизни.

Диспут был задуман, по-видимому, в надежде действительно стоящим образом обставить политическим разногласиям. Тогда же обстановка еще обострилась политическими разногласиями. Тогда же обстановка еще обострилась политическим разногласиям.

Диспут долго не начался. Стало известно, что две трети из объявленных участников диспута не явились и не пришли. По рядам прошел ропот и шум; некоторые уже потянулись к кассе с классическими возгласом: «Деньги обратно!».

В этот обстановке Маяковский читал строки в форсе.

Приподнявшись в зале,

вздохнув,

вздохнув,

вздохнув,

вздохнув,

Я приветствую вас

ПОЛЬ РОБСОН — выдающийся певец и актер, видный американский прогрессивный общественный политический деятель. В 1921 году началась артистическая карьера Поля Робсона. Его можно назвать певцом-публицистом. Он выступает с песнями, зовущими на борьбу за мир, пропагандирует произведения советских композиторов, неограниченные народные песни. С 1950 года Поль Робсон — член Всемирного Совета Мира. За неустанные и плодотворные деятельность на поприще борьбы за мир ему было присуждена Международная премия мира и Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Ниже мы публикуем статью Поля Робсона, написанную им для «Литературной газеты».

◊
Поль Робсон
◊

СЕЙЧАС, накануне сороковой годовщины Октябрьской социалистической революции, я шлю самый горячий привет германскому советскому народу.

В 1917 году я был студентом университета и уже тогда в известной мере ощущал глубокие перемены, вызванные Октябрьскими событиями. Позднее, в 1934 году, мне с женой Элленой почастливилось побывать в вашей великой стране. Мы встретились со многими героями Октябрьской эпохи и были свидетелями неуклонного роста и развития творческих способностей миллионов советских граждан — работников промышленности, сельского хозяйства, науки и искусства.

Мы ознакомились с превосходной постановкой образования для молодежи.

Все человечество навеки будет благодарно вам за вашу отвагу, за те жертвы, которые вы принесли в борьбе против гитлеризма и фашизма, за то, что вы решительно отстояли будущее всего человечества.

В 1949 году я сноваступил на советскую землю, снова почувствовал глубокую симпатию и горячую любовь советского народа. Мне стало ясно, что в замечательных условиях, созданных социализмом, выросли новые люди, идущие к одной общей цели.

В нынешнем, 1957 году мы дали всему миру надежду на то, что человек станет хозяином вселенной, вы открыли перед нами захватывающие перспективы покорения доселе не освоенных пространств. И все это вы сделали для того, чтобы укрепить мир, способствовать развитию естественных ресурсов и распределению даров природы между всеми людьми, чтобы покончить с нищетой и обеспечить процветание.

Не может быть никаких сомнений в том, что идеи Октябрьской революции, получившие в последние годы значительное развитие, оказали могучее воздействие на жизнь наших современников.

Каждый человек, ком бы он ни был — просто гражданином или ученым, художником или фермером, рабочим или студентом — должен понимать, что на всех лежит колоссальная ответственность, ответственность перед новым обществом, перед людьми будущего. Мы все время должны помнить о том, что наш труд идет на пользу коллектива, что он направлен на благо человечества в лучшем смысле этого слова. Таков, например, глубокий смысл высокого звания «Народный артист Республики».

Я приветствую вас в эти исторические дни!

И пишу по-русски: Всего, всего хорошего!

Ваш настоящий, верный друг.
Нью-Йорк

ПЫЛЬ И ПОРОХ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

может выбрать американская пропаганда из сознания своих подопечных тот очевидный факт, что «он» — вертится, что слово «спутник» прочно вошло в английский язык, который, наряду со всеми американцами, пользуется и президент, что во множестве джазовых песен понятие «луна» скромно переделано в понятие «луны», что забытые острят — «под какой луной сегодня погуляем?» Непостижимо!

А за выступлением президента на экране промаршировали какие-то военные части, затем развернута знаменитая «Международная исследовательская ассоциация», провела в одиннадцати странах опрос: должны ли эти страны оставаться нейтральными или поддерживать одну из сторон в конфликте США — СССР? За нейтрализм высказались в Швеции — 94 процента опрошенных, в Австрии — 89, Норвегии — 74, Франции — 66, даже в Западной Германии, вернейшим крестоносным оружием со ССА, за нейтралитет высказалось 63 процента опрошенных! И только Австралия и Голландия явили миру «жажду битвы роковой» — там нейтралити окказался в меньшинстве. Конечно, в Америке понимают, что на таких союзников далеко не ускажешь!

Английские колониальные мамки и нянки, опытные и настrenнованные в таких делах, в свое время не успели задушить младенца — арабский национализм — в колыбели, хотя история и не сможет упрекнуть их в недостатке усердия. Теперь за это взялись американцы, которые хотят закрыть Арабский Восток тем более, что сами арабы проявляют очевидную заинтересованность совсем в обратном.

Указывая заключение, что у США нет политики, на которой можно было бы договориться с другими, Липпман пишет: «...Когда такое событие, как запуск спутника, показывает, что мы далеко не всемогущи, то наши преступления и наше влияние сильно подрывают».

Американская бронированная политика, с намалеванным на борту турецким полумесцем, мечется сейчас вокруг Сирии, забывая клубы пыли и то включая третью скорость, то повизгивая тормозами. Замысел примитивен и очевиден: удушить Сирию, чтобы она не подавала заразительного примера другим, ударить по ней так, чтобы у всех других арабских стран вышибить даже мысль о самостоительном существовании.

А по замыслу и результату: угрозы приводят вовсе не к тому, на что рассчитывали США, — сознание общей опасности породило неожиданную идею арабского единства. В кругах ООН в последнее время начали циркулировать слухи, что мистер Даллес, прикрыт фразами о «спасении от мирового коммунизма», требует от Турции молниеносного удара для ликвидации неугодного американцам сирийского правительства — так, чтобы Организация Объединенных Наций не успела даже обсудить этого вопроса. Однако рухнула и этот расчет на простаков Сирии, выступила с требованием, чтобы ситуация была рассмотрена в ООН, а советский министр иностранных дел А. А. Громыко поддержал Си-

рию в этом вопросе и направил соответствующее письмо председателю нынешней сессии Генеральной Ассамблеи Мирону, указав на крайне серьезную опасность создавшегося положения.

Только что американской политике доставили тяжкие хлопоты ответы Н. С. Хрущева на вопросы корреспондента «Нью-Йорк таймс» Дж. Рестона, а сирийская и советская акции в ООН, покоже, заставили ее потерять голову. И совсем доказали первые американских политиков письма ЦК КПСС социалистическим партиям Западной Европы. Не этим ли объясняется новый газетно-радио-телевизионный волна Фостера Даллеса, повернувшись в страх и смятение американского обывателя?

Недавно со статьей «Горькая правда» выступил в «Нью-Йорк геральд трибьюн» известный политический обозреватель Липпман. Просоветским идеям и символам он никогда не был и не будет обременен, но в трезвости судженый ему нельзя отказать.

Липпман высмеивает американскую политику в отношении Германии, бесплодными и нелепыми считает он и попытки Даллеса изолировать СССР от Ближнего и Среднего Востока, тем более, что сами арабы не стекались в Ухань поэтические родственники?

Указывая заключение, что у

США нет политики, на которой можно было бы договориться с другими, Липпман пишет: «...Когда такое событие, как запуск спутника, показывает, что мы далеко не всемогущи, то наши преступления и наше влияние сильно подрывают».

Американская бронированная политика, с намалеванным на борту турецким полумесцем, мечется сейчас вокруг Сирии, забывая клубы пыли и то включая третью скорость, то повизгивая тормозами. Замысел примитивен и очевиден: удушить Сирию, чтобы она не подавала заразительного примера другим, ударить по ней так, чтобы у всех других арабских стран вышибить даже мысль о самостоительном существовании.

А по замыслу и результату: угрозы приводят вовсе не к тому, на что рассчитывали США, — сознание общей опасности породило неожиданную идею арабского единства. В кругах ООН в последнее время начали циркулировать слухи, что мистер Даллес, прикрыт фразами о «спасении от мирового коммунизма», требует от Турции молниеносного удара для ликвидации неугодного американцам сирийского правительства — так, чтобы Организация Объединенных Наций не успела даже обсудить этого вопроса. Однако рухнула и этот расчет на простаков Сирии, выступила с требованием, чтобы ситуация была рассмотрена в ООН, а советский министр иностранных дел А. А. Громыко поддержал Си-

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЮГОСЛАВИИ

В ПРЕДВЕРИИ
ВЕЛИКОГО
ПРАЗДНИКА

ФЕДЕРАТИВНОЙ
Народной Республике Югославии ведетсяальная подготовка к празднованию сороковой годовщины Октября.

В газете «Политика» под специальной рубрикой «Сороковая годовщина Октября» из daya в день публикуют воспоминания старых большевиков о В. И. Ленине и революционной борьбе в России.

Особый интерес у югославской общественности вызывают воспоминания Н. К. Крупской о Владимира Ильине.

Газета «Борба» сообщает о том, что некоторые населенные пункты, площади и улицы решено присвоить имя В. И. Ленина.

Преимущества Югославии и объединения писателей Македонии отметили премиями лучшие произведения македонской литературы за 1956 год: роман Славко Яневского «Две Марии» и книга стихов молодого поэта Матеевского «Дожди».

СОЮЗ писателей Югославии и объединения писателей Словенской Словенской республики ежегодно награждают премиями лучшие произведения художественной литературы.

В этом году за много летний труд награжден выдающийся словенский писатель Юш Козак. Его первые произведения начали печататься еще в 1918 году. Юш Козак — автор романов, повестей, рассказов о жизни простого человека Словении, крестьянин, жителя маленьких городков. Сейчас в Югославии готовятся к изданию полное собрание сочинений писателя на словенском, сербском и других языках страны. Недавно опубликована новая повесть Козака «Баллада об улице».

Преимущество Сербии, издававшей

издательство Сербии, издававшая

</div